

бого карнавала, снятие масок – всегда грустный момент, это ощущение не покидает финал комедии, где звучит грустная песня шута о конце праздника.

Список литературы

1. Аникст А. А. «Двенадцатая ночь, или Что угодно» / А. А. Аникст. – Режим доступа: <http://www.velchel.ru/index.php?cnt=31&sub=2&page=1>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Брандес Г. Гений Шекспира. «Король трагедии» / Г. Брандес. – Режим доступа: http://www.e-reading.link/chapter.php/1031297/52/Brandes_-_Geniy_Shekspira._Korol_tragedii.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Оден У. Х. Лекции о Шекспире. «Двенадцатая ночь» / У. Х. Оден. – Режим доступа: <http://www.w-shakespeare.ru/library/leksi-i-o-shekspire17.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Чернова А. Д. ...Все краски мира, кроме жёлтой / А. Д. Чернова. – Москва : Искусство, 1987. – 220 с.
5. Шайтанов И. О. Шекспир / И. О. Шайтанов. – Москва : Молодая гвардия, 2013. – 472 с.
6. Шекспир В. Двенадцатая ночь, или Что угодно (пер. Э. Линецкой) / В. Шекспир // Полное собрание сочинений : в 14 т. – Москва : ТЕРРА, 1993. – Т. 7. – 544 с. – С. 155–304.
7. Shakespeare W. Twelfth Night, or What You Will / W. Shakespeare // The Complete Works of William Shakespeare. – Wordsworth Classics, 2007. – P. 641–669.

References

1. Anikst A. A. «Dvenadcataja noch', ili Chto ugodno. Available at: <http://www.velchel.ru/index.php?cnt=31&sub=2&page=1>.
2. Brandes G. Genij Shekspira. «Korol' tragedii». Available at: http://www.e-reading.link/chapter.php/1031297/52/Brandes_-_Geniy_Shekspira._Korol_tragedii.html.
3. Oden U. H. Lekcii o Shekspire. «Dvenadcataja noch'». Available at: <http://www.w-shakespeare.ru/library/leksi-i-o-shekspire17.html>.
4. Chernova A. D. ...Vse kraski mira, krome zhjoltoj. Moscow, Iskusstvo, 1987. 220 p.
5. Shajtanov I. O. Shekspir. Moscow, Molodaja gvardija, 2013. 472 p.
6. Shekspir V. Dvenadcataja noch', ili Chto ugodno // Polnoe sobranie sochinenij : in 14 vol. Moscow, TERRA, 1993. Vol. 7, pp. 155–304.
7. Shakespeare W. Twelfth Night, or What You Will // The Complete Works of William Shakespeare. Wordsworth Classics, 2007, pp. 641–669.

РОЛЬ ЯЗЫКОВЫХ СКАЗОЧНЫХ ФОРМУЛ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗОК И РАССКАЗОВ Н. СЛАДКОВА

Панова Елена Павловна, кандидат филологических наук, Волгоградский государственный технический университет, Россия, 400005 Волгоград, ул. Проспект Ленина, 28, e-mail: panova_ep@mail.ru.

В статье рассматривается вопрос о роли языковых сказочных формул в художественных произведениях Н. Сладкова. Язык Н. Сладкова характеризуется формульностью из-за ориентации автора на фольклор. Автор использует такие традиционные сказочные приёмы, как зачины и концовки. Возможно обращение писателя к малым жанрам: пословицы, поговорки, загадки. Нередко обращение к стилистическим приёмам устного народного творчества: инверсиям, повторам, фольклорной рифме.

Ключевые слова: фольклор, сказка, поэтические сказочные формулы, малые жанры, стилистические приёмы

ROLE LANGUAGE FAIRY-TALE FORMULAS IN THE LITERATURE
FAIRY-TALE AND NOVEL OF T. SLADKOV

Panova Elena P., Candidate of Philological Sciences, Volgograd State Technical University, 400005, Russia, Volgograd, 28 Lenin ave., e-mail: panova_ep@mail.ru.

The article provides analysis such phenomenon as language fairy-tale formulas in the artistic text N. Sladkova. Language of Sladkova is characterized by formula, because the author orientations on the folklore. The author uses traditional fairy-tale methods such phenomenon as small folk genres: riddle, proverb, saying, and he uses stylistic formules: replays, inversions, folklore rhyme.

Keywords: folklore, fairy-tale, poetic fairy-tale formulas, small folk genres, stylistic ways

Обращение к поэтике народной сказки Н. Сладкова оказало огромное влияние не только на композицию, систему художественных образов, но и на язык художественного произведения. Язык литературных сказок Н. Сладкова в целом характеризуется формульностью. Примером того служат зачины и концовки, играющие важную композиционную роль в его произведениях. Они помогают авторам не только создать сказочную атмосферу, но и ввести в мир природы, воспеть и опозитизировать красоту, привить маленькому читателю любовь к России. Добавим, что сказочная формульность используется автором часто в соответствии с практическими целями и задачами: в занимательной игровой форме подать детям научно-познавательную информацию о мире природы.

Приведём примеры обращения Н. Сладкова к сказочным зачинам и концовкам. Например, многие его сказки начинаются так же, как и народные сказки: «Жила-была на лесной поляне бабочке» («Бабочка и солнце») [2, с. 14], «У знакомого моего жила сова-сплюшка» («Сова, которую позабыли») [2, с.15], «Говорят, хитрей лисицы и зверя нет» («Хитрый одуванчик») [2, с. 159], «Жил-был в лесу Сыч» («Сыч») [2, с. 201]. В этой же сказке Н. Сладков обращается и традиционной концовке: «Стал Сыч у дупла жить, добро сторожить. Худо ему: и дом есть, и припас, а радости нету» [2, с. 202]. Может сказка заканчиваться восклицательным предложением («И быть по сему!» («Непослушные малыши») [2, с. 115]) или русской народной загадкой: «Не то что зимой и летом – одним цветом» («Осенняя елочка») [2, с. 176].

Многие сказки Н. Сладкова заканчиваются морализаторским выводом. С одной стороны, они подытоживают разрешение конфликтной ситуации в рассказе, с другой – дают моральную, поучительную оценку поступкам животных, тем самым выводя сказку из обычного художественно-познавательного плана на уровень нравственно-этический, поучительный. Некая басенная аллегоричность присутствует в сказках-рассказах Н. Сладкова, благодаря которой дети усваивают нравственные законы. Так, в сказке «Бюро лесных услуг» писатель поднимает проблему дружбы и взаимопомощи: «Так вот и живут птицы-звери в лесу. Бывает, конечно, так живут, что только пух да перья летят. Но бывает, и выручают друг друга. Всякое в лесу бывает» [2, с. 16]. В сказке «Лежачий камень» – проблему хвастовства: «Больше вашего я видел, хвастунишки пернатые! /.../. А вот вы-то на одной земле каждый год бываете, а друг друга не видели! Тоже мне путешественники знаменитые!» [2, с. 102]. В сказке «Федот, да не тот!» – проблема беспечности и рассеянности героя: «Вернулся грибник, взял кузовок и пошагал домой. Так ничего и не заметил. Вот растяпа!» [2, с. 138]. В сказке «Крапивное счастье» – проблема возможности счастливой и безмятежной жизни: «Цветы и ягоды

внимательно слушали Крапиву. И больше никогда не жаловались на свою беспокойную жизнь» [2, с. 151]. В сказке «Друзья-товарищи» – проблема подхалимства и настоящей искренней дружбы: «Не тот друг, кто мёдом мажет, а тот, кто правду скажет» [2, с. 163]. В сказке «Синичий запас» – проблема щедрости и жадности: «Чёрный день всем страшен: всем надо иметь запас. А собирать его можно по-разному. Можно как крыса – только себе. Или как синичка-хохлатка – для всех». Иногда писатель для того, чтобы сделать нравоучительный вывод, обращается за помощью к поговоркам, правда, несколько видоизменённым в соответствии с идейно-тематическими задачами: «Нам, зайцам в лесу не до жиру, быть бы хоть живу!» [2, с. 194], «На безрыбье и рак рыба, на бесптичье и воробей соловей! Чик-чирик!» [2, с. 204], «По Сеньке и шапка» («Федот, да не тот!») [2, с. 138], «Хочешь жить – мух лови» («Выеденное яйцо») [2, с. 149], или к пословицам: «А всякое дело надо делать подумав. Семь раз примерь – раз отрежь!» [2, с. 215], «Верный друг познаётся в беде»; «Друг в ногах не валяется»; «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты» [2, с. 163], «Век живи, век учись» («Курорт "Со-сультка"») [2, с. 184], «Семь бед – один ответ» («Сорока и Крот») [2, с. 192]. Иногда Сладков несколько видоизменяет пословицы, если того требует авторский замысел: «Скажи, что ты ешь, и я скажу, кто ты» («Загадочный зверь») [2, с. 139], «Дерево рубит – только щепки летят» («Тайна чёрного дятла») [2, с. 198], «Хочешь жить – мух лови» («Выеденное яйцо») [2, с. 149].

Неоднократно встречаются в рассказах Сладкова фразеологизмы: «Только пух да перья летят» («Бюро лесных услуг») [2, с. 15], «Страх как на подъём-то тяжёл!» («Барсук и Медведь») [2, с. 24]; «Бьюсь с ними не щадя живота!» («Зимние долги») [2, с. 28], «А мы сами с ушами» («Непослушные малыши») [2, с. 113], «Зуб на зуб не попадает» («Швейня») [2, с. 168], «Всё это – на чёрный день» («Синичий запас») [2, с. 190], «Что ж ты молчишь, воды, что ли, в рот набрал?» («Сорока и Снегирь») [2, с. 204].

Помимо пословиц и поговорок Н. Сладков использует в тексте другие малые жанры русского фольклора, например, загадки собственно фольклорного происхождения: «Зимой и летом одним цветом» («Ласка, Белочка и Медведь») [2, с. 13]. Встречаются в рассказах Сладкова и загадки собственного сочинения: «Белое лежит и молчит. Потрогали лапкой – мягкое. Ткнули носом – не пахнет. Прикусили зубами – холодное. Не огрызнется, не дерётся» («Пороша») [2, с. 186]. Есть в текстах и народные гадания: «А мне со стороны кажется, что он на ромашке гадает: украдут – не украдут, украдут – не украдут?» («Карлуха») [2, с. 130].

Свойственно Н. Сладкову также обращение к традиционным сказочным формулам, обозначающим, например, удалённость в пространстве – «За горами да за морями» («Заяц и Полёвка») [2, с. 24], особенности протекания действия – «Всё увидишь невиданное и услышишь неслышанное» («Певница») [2, с. 49], необычная скорость протекания действия – «Растут птенцы не по дням, а по часам» («Тонкое блюдо») [2, с. 110], особые свойства персонажа – «Все лесные новости на хвосте приносила» («Друзья-товарищи») [2, с. 160], неопределённость времени и пространства – «День прошёл, два прошло, на третий собрался я в лес» («Яичко в песке») [2, с. 121] (классификация семантики сказочных формул даётся в соответствии с теорией, разработанной Е.И. Алещенко).

Язык рассказов Н. Сладкова, как и язык его литературных сказок, также характеризуется формульностью, что порождает своеобразный сказочный стиль. Что же касается рассказов Н. Сладкова из сборника «Лесные тайнички», то сказочные приёмы в них максимально ослаблены, так как для автора важнее изобразить реалистичные картины жизни леса и его обитателей. Однако, не смотря на их реалистичность, в них встречаются элементы поэтики народных сказок.

Например, для писателя типично обращение в рассказах к поэтике зачинов: «*Жил я в лесу. Один-одинёшенек*» («Птенцы-хитрецы») [2, с. 89]; «*Журчал в лесу ручеёк. Жила в ручье лягушка. А в кустах – соловей*» («Соловей и лягушка») [2, с. 104], или к поэтике концовок: «*Жить бы да слушать, слушать да жить*» («Кукушкины годы») [2, с. 106]; «*Тем хорош лес, что сколько в него ни ходи, сколько ни смотри и ни слушай, а всё увидишь невиданное и услышишь неслыханное. А увидишь и услышишь – и опять пойдёшь*» («Певвица») [2, с. 49].

Известно, что в «сказочных текстах достаточно широко представлено контактное использование пар синонимов. Оно в большинстве случаев направлено на усиление или уточнение признака или действия» [1, с. 215]. Н. Сладков в рассказах очень часто обращается к данному стилистическому приёму, столь широко распространённому в народных сказках. Однако автор наполняет его своим собственным лексическим содержанием, тем самым сближая стиль рассказов со стилем народных сказок: «*И сразу же, как удар, ошеломляющий грохочущий рык!*», «*Тяжёлые шаги затихли, послышались лёгкие, суматошные, торопливые*», «*Лютый рык – как удар молота, как раскат грома, как взрыв!*», «*Мама чует меня, сердится и волнуется*» («Нечеловеческие шаги») [2, с. 48]; «*Все рыбы сонные, апатичные; Налим бодренький да игривый*» («Лесные шорохи») [2, с. 23].

Добавим, что в сказках «представляют интерес и сочетания слов одной тематической группы, которые представляют собой синонимические пары однокоренных глаголов, один из которых образован от другого приставочным способом» [1, с. 216–221]. Это явление также можно назвать характерной сказочной принадлежностью. Эти предложения, содержащие синонимические лексемы, выполняют, как правило, функцию усиления. Н. Сладков в своих рассказах регулярно обращается к подобным синонимическим парам, тем самым, как бы реконструируя некоторые элементы сказочного стиля в рассказах о природе. Так заяц говорит белке, что детишки у неё: «*Умные у тебя разумные!*», «*Самые в лесу красивые-раскрасивые!*», «*Послушные-распослушные!*»; «*Двое одну мышь схватили – тянут-потянут*» («Весёлая игра») [2, с. 98]; «*Вышел из лесу, пошёл полем. Шёл, шёл – устал. Присел отдохнуть*» («Птенцы-хитрецы») [2, с. 89].

В рассказах Н. Сладкова, как и в народных сказках, встречаются повторы бесприставочных однокоренных лексем, образующих новое слово: «*И откуда – из далека-далека! – отвечает ему другая кукушка*» («Кукушкины годы») [2, с. 105]; «*Давно ушагали из лесу лось и человек, где-то они уже далеко-далеко, а следы их все шепчутся, шепчутся*» («Шепчущие следы») [2, с. 63]; «*Воробей поёрзал-поёрзал да как подскочит, да как полетит!*» («Горячая пора») [2, с. 67].

Еще одни художественные приёмы, которые наиболее свойственны поэтике сказочного стиля и которые регулярно встречаются в рассказах Н. Сладкова – это повтор и инверсия. Данный художественный приём в фольклоре – неотъемлемая черта стиля сказки. Возможно, Н. Сладков использует приём повтора для того, чтобы напомнить читателю, что он попал в сказочный мир природы, мир волшебства и загадок, которые автор каждую минуту разгадывает на страницах своих рассказов о природе: «*Весенние ручьи говорят, говорят...*» («Весенние ручьи») [2, с. 30]; «*Ноты у всех одни и те же: бороздки да крестики, крестики да бороздки*» («Тетеревинные ноты») [2, с. 37].

Не редкость в рассказах Н. Сладкова сквозные повторы, на которых выстроена композиция рассказов: «*Заяц в штанах!*» («Отчаянный заяц») [2, с. 189], «*Скворцы прилетели*» («Скворцы прилетели») [2, с. 191]. Часто встречается фольклорный параллелизм: «*И такая была прозрачная тишина, что упадет хвоинка – и слышно, капля сока с берёзы капнет – слышно*» («Певвица») [2, с. 50].

Известно, что фольклорная рифма в рифмованных формулах сказочного текста характеризуется неточностью, близостью к аллитерации и ассонансу, особый сказовый ритм строится, как правило, на разнообразных повторах, фольклорных параллелизмах. В рассказах Н. Сладкова возможно встретить целые рифмованные абзацы: «*Так от дупла к дуплу, от норки к норке, от колоды к колоде, от куста к кусту, от щели к щели шарахается от страха лесная мелюзга, открывая мне свои ухорнички-тайнички.*»

В заключение добавим, что рассказы-сказки Н. Сладкова – это своеобразная энциклопедия жизни природы, так как они содержат огромный пласт информации о лесе и его жителях. При этом вполне очевидно, что фольклор оказал огромное влияние на творчество Н. Сладкова. Элементы поэтики сказок о животных послужили в качестве замечательного строительного материала для осуществления писателем своих идейно-художественных задач.

Список литературы

1. Алещенко Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки) / Е. И. Алещенко. – Волгоград, 2008. – 340 с.
2. Сладков Н. Лесные тайнички: рассказы / Н. Сладков. – Москва : Астрель : АСТ, 2007. – 219 с.

References

1. Aleshhenko E. I. Jetnojazykovaja kartina mira v tekstah russkogo fol'klora (na materiale narodnoj skazki). Volgograd, 2008. 340 p.
2. Sladkov N. Lesnye tajnichki: rassказы. Moscow, Astrel', AST, 2007. 219 p.

ДЕТЕКТИВ НА ФОНЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ МАНЕРА ПОВЕСТВОВАНИЯ И ДЕТЕКТИВ (СЛУЧАИ СЭЙЕРС И ТЭЙ)

Моисеев Пётр Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 614070, г. Пермь, ул. Студенческая, 38, e-mail: petre@mail.ru.

В статье показывается, как попытка создания «реалистического детектива» разрушает самые основы детективного жанра. Методологической основой исследования являются работы Н.Н. Вольского по теории детективного жанра. Предметом анализа являются романы Дороти Сэйерс («Облако свидетелей») и Джозефины Тэй («Дело о похищении Бетти Кейн», «Дочь времени»). Статья демонстрирует, как поэтика детектива (начиная с главного её элемента – детективной загадки) приходит в этих романах в столкновение с используемыми писательницами реалистическими приёмами: специфическими героями и манерой повествования. Прибегая к реалистической манере повествования, Сэйерс и Тэй делают детективную загадку менее отчётливой, что, в свою очередь, идёт вразрез с требованиями жанра. В результате анализируемые романы становятся не историями загадки, а историями людей, что уже окончательно разрушает жанровую структуру. В статье также демонстрируется реалистический характер разгадки в романе Сэйерс и малая пригодность такого рода разгадок для детектива, на что указывал ещё С.С. Ван Дайн. Показывается связь указанных элементов реализма у Сэйерс с другими чертами её стиливой манеры, в частности – с чрезмерной простотой детективного сюжета.

Ключевые слова: детектив, реализм, Дороти Сэйерс, Джозефина Тэй